

Бак, которого изо всех сил удерживал Бобби, продолжал испепелять взглядом того безумца. Котону он сейчас напоминал льва, защищающего свои владения: даже безупречно уложенные гелем волосы, казалось, встали дыбом от ярости. Впрочем, если присмотреться, Бак больше походил на взъерошенного, разгневанного кота. Поймав себя на этой нелепой мысли, Котон смутился и поспешно отвёл взгляд.

Когда Бак подошел и окликнул его, Котон вздрогнул. Столкнувшись с недоумевающим взглядом пожарного, он попытался изобразить полное равнодушие и спросил:

— Что такое?

Бак вздохнул и покачал головой:

— Кэп велел отвезти тебя в больницу на осмотр. Я зову тебя уже в третий раз, а ты витаешь в облаках и еще спрашиваешь, что случилось?

— Да ладно тебе, не стоит ехать в больницу, — попытался отмахнуться Котон. — Просто ушибся немного при падении, обычное растяжение.

Возвращаться в больничные стены ему категорически не хотелось. С тех пор как он очутился в этом мире, больницы стали его вторым домом. Раньше он, конечно, тоже проводил там круглые сутки, но тогда это была любимая работа, а теперь — бесконечная череда ранений и травм.

Бак и слушать ничего не желал. Он отлично знал свой вес, да и летел вниз без всякой страховки. Котон принял на себя всю силу удара и физически не успел сгруппироваться, так что визит к врачу даже не обсуждался.

Котона под локоть вывели на улицу и устроили в подъехавшей машине скорой помощи. Бобби настоял, чтобы обследование прошли оба, а дабы упрямцы не вздумали сбежать по дороге, приставил к ним Чими в качестве надзирателя.

Чем ближе они подъезжали к госпиталю, тем сильнее Котона одолевало беспокойство. Он совсем забыл сказать остальным о старой ране на руке, которая, похоже, снова открылась. Котон бросил быстрый взгляд на левое плечо: плотная темно-синяя ткань формы уже пропиталась кровью, и темное, зловещее пятно медленно расползлось вширь. Пока на крыше все были заняты тем безумцем, на его рану никто не обратил внимания. Но теперь скрывать очевидное становилось всё труднее.

Чими, парень на редкость проницательный, сразу заметил, как Котон то и дело косится на свой рукав, пытаясь прикрыть его здоровой рукой. Память у парамедика была отличная, и он мгновенно сопоставил факты.

— У тебя что, швы разошлись? — резко спросил Чими.

От неожиданности Котон вздрогнул. Он попытался было отшутиться, но Чими без лишних разговоров перехватил его руку и ловким движением медицинских ножниц разрезал рукав до самого плеча.

«Прощай, рубашка. Так и не успел в ней толком походить»

Бак сначала не понял, в чем дело, но когда Чими обнажил плечо Котона, у него перехватило дыхание. Почти затянувшийся порез разорвался заново. Свежая, еще не успевшая свернуться кровь медленной струйкой сбегала по бледной коже. Баку показалось, что этот алый след буквально выжигает ему глаза.

Котон понял, что увливать бесполезно. Он обреченно прикрыл глаза ладонью свободной руки.

«Ладно, пусть делают что хотят. Я слишком устал. Гори оно всё синим пламенем»

Чими принялся оказывать первую помощь, не умолкая ни на секунду:

— И зачем было строить из себя героя? Сказать тяжело было? Благо еще, не до кости разодрал. Если бы мы тебя силой в скорую не усадили, ты как собирался это решать? Подорожник бы приложил?

Чими намеренно посильнее прижал марлевый тампон к ране. Котон от неожиданности и резкой боли взвыл на всю машину.

— Вот так, — сердито буркнул Чими. — Зато запомнишь на будущее.

Из глаз Котона едва не хлынули слезы. Стиснув челюсти, он дрожащей рукой продемонстрировал Чими средний палец и отвернулся, решив хранить гордое молчание.

Бак за всю дорогу не проронил ни слова. Он послушно и молча сопровождал Котона из кабинета в кабинет, пока они проходили первичные процедуры, пока неумолимый Чими не выставил его самого на осмотр.

Когда Котон оказался в кабинете травматолога, во взгляде врача отчетливо читалось классическое: «Опять ты?» Впрочем, Котон проигнорировал этот немой укор и с самым невозмутимым видом отдался под опеку очаровательных медсестер. Привлекательная внешность определенно имела свои плюсы: за последние визиты Котон успел обзавестись целой горой фруктов и сладостей, которыми его заботливо снабжал женский персонал отделения.

Устроившись на кушетке, Котон приготовился терпеть второе за неделю наложение швов. Врач, аккуратно орудуя иглой, не упустил возможности поиздеваться:

— Ну и что на этот раз? Нашего записного Ромео вызвал на дуэль ревнивый рыцарь? Судя по глубине пореза, поединок ты с треском проиграл.

Котон картинно закатил глаза. Отвечать на эти колкости не хотелось, и он принялся безучастно изучать мигающие индикаторы медицинских приборов на стене.

Доктор не обиделся на его молчание, но его тон внезапно стал предельно серьезным:

— Котон, шутки в сторону. Тебе нужен покой. Я еще в прошлый раз заметил, что швы начали подгнивать и расходиться, а сегодня ты их просто уничтожил. Ты сам врач и прекрасно понимаешь, как тяжело заживают раны после повторного разрыва. С такими травмами противопоказаны любые физические нагрузки. Объясни мне, зачем ты потащился в пожарную часть? Сидел бы себе спокойно в диспетчерской, перекладывал бумажки.

Котон промолчал. Он и сам не знал, какая сила толкнула его на этот шаг. Возможно, всему виной было гнетущее чувство потерянности. Оказавшись в чужом теле, в совершенно незнакомом мире, лишенный памяти и прежних друзей, он чувствовал себя лишним на этом празднике жизни. Ему приходилось ежеминутно притворяться, тщательно отыгрывать роль прежнего Котона, следить за каждым словом. От этой невыносимой рутины отчаянно хотелось сбежать, совершить что-то безумное, встряхнуться. Однако глубоко укоренившееся законопослушное воспитание не позволяло пуститься во все тяжкие или нарушить закон. И когда он безуспешно пытался разузнать хоть что-то о своем прошлом, Джордж вскользь упомянул службу спасения. Эта идея показалась идеальным выходом — легальный способ пощекотать нервы и отвлечься от экзистенциального кризиса. Вот он и решился.

Тем временем процедура подошла к концу. Закрепив повязку, врач поднялся со стула:

— Напоминать правила ухода за швами я тебе не стану — сам все знаешь не хуже меня. Главное — забудь о физической активности. Иначе в следующий раз я тебя просто не приму, будешь искать другую клинику.

Чими, карауливший у дверей кабинета, зашел внутрь, как только врач закончил работу.

— Я уже созвонился с Бобби и в красках расписал твою боевую травму, — сообщил он, усаживаясь на край кушетки. — Кэп велел передать, чтобы ты отправлялся домой зализывать раны. До конца недели он выбил тебе официальный отгул. Если к понедельнику плечо не затянется, Бобби договорится с руководством диспетчерской, чтобы тебе продлили больничный.

— Думаю, к понедельнику все будет в порядке, — Котон аккуратно просунул руку в свободную футболку и покачал головой. — Дома мне тяжести не таскать, а регенерация у меня неплохая.

К тому же работа в диспетчерской не пыльная — сиди себе да по кнопкам стучи, справлюсь.

Чими лишь похлопал его по здоровому плечу. Забрав из регистратуры результаты анализов Котона и Бака — к счастью, у обоих показатели оказались в пределах нормы, — они втроем вышли на улицу.

Котон наотрез отказался от предложения довезти его до дома. Он резонно возразил, что пострадало плечо, а не ноги или голова, так что дорогу он найдет сам. Попрошавшись у дверей госпиталя, парни разошлись. Котон не спеша побрел по залитой неоном вечерней улице.

По дороге ему попался круглосуточный маркет. Котон зашел внутрь и взял упаковку баночного пива. Вообще-то он практически не употреблял алкоголь. В прошлой жизни, будучи практикующим врачом, он строго избегал спиртного: алкоголь притупляет реакцию и пагубно влияет на мелкую моторику. Тогда он занимал должность старшего ординатора в приемном покое, но всей душой стремился в нейрохиргию. А там любая манипуляция — это ювелирная работа под окулярами микроскопа, где сдвиг скальпеля на долю миллиметра может стоить пациенту жизни. Малейший тремор рук для нейрохирурга — смертный приговор. Впрочем, теперь всё это уже не имело значения.

Зажав в руке шуршащий пакет с пивом, Котон забрел в тихий полутемный парк и спустился к реке. Устроившись прямо на бетонных плитах набережной, он со щелчком вскрыл банку и сделал глубокий глоток. Горьковатая, ледяная жидкость обожгла горло. Котон пил слишком жадно, и излишки пива потекли по его бледной шее, скрываясь под воротником футболки и оставляя на ткани темные влажные дорожки. Как выяснилось, пить красиво он так и не научился. Попытка выглядеть брутально провалилась с треском: уже через секунду Котон позорно закашлялся, согнувшись пополам и расплескивая пиво на джинсы.

Пока он судорожно откашливался, утирая выступившие на глазах слезы, перед его лицом вдруг появилась бумажная салфетка.

— Не умеешь пить — не переводи продукт, — раздался над ухом мягкий, чуть насмешливый голос.

Котон удивленно поднял голову. Перед ним стоял Эдди Диас, с которым они уже успели мельком познакомиться.

— Откуда ты взялся? — прохрипел Котон.

Эдди кивнул на свою спортивную форму:

— Вышел на вечернюю пробежку. Увидел, как ты выходишь из магазина с полным пакетом выпивки. Окликнул тебя пару раз, но ты шел как в воду опущенный. Решил проводить от греха подальше.

Котон окинул его взглядом. Облегающая темно-синяя футболка Эдди насквозь промокла от пота и облепила его мускулистую грудь и развитые плечи, выгодно подчеркивая атлетическое телосложение.

— Спасибо, — Котон взял салфетку и промокнул лицо. — И часто ты бегаешь по ночам?

— Пытаюсь набрать форму перед выпуском из академии, — Эдди пожал плечами, восстанавливая дыхание. — Нужно подтянуть выносливость.

— Перед выпуском?

— Ну да. После демобилизации я долго не мог найти себя на гражданке, чувствовал себя не в своей тарелке. А тут подвернулась вакансия в пожарном департаменте, решил попробовать. Сейчас прохожу обучение. Оказывается, эта работа гораздо сложнее, чем кажется со стороны. — Эдди досадливо поморщился, вспомнив учебные будни, а затем обратил внимание на уцелевшие детали формы собеседника: — А ты из какой части?

— Я работаю в диспетчерской 911, — Котон качнул головой. — А в пожарной части был временно, на стажировке. Осваивал полевую медицину у парамедиков.

— Вот как? Что ж, значит, есть шанс, что когда-нибудь мы станем коллегами, — улыбнулся Эдди. Он бесцеремонно выудил из пакета банку пива, вскрыл её и уселся рядом на бетонную ступень набережной.

— Что с тобой? Выглядишь паршиво, будто мир рушится, — негромко спросил Диас, сделав первый глоток.

— Да так, пустяки. Накопилось всякого, потянуло на философию, — уклонился от прямого ответа Котон, уставившись на темную гладь воды.

Эдди не стал настаивать. Он молча пригубил пиво, а затем заговорил, глядя на реку:

— Я ведь упоминал, что служил в армии? — Дождавшись слабого кивка Котона, он продолжил: — Был военным медиком в горячей точке. Шел туда добровольцем, искренне верил, что готов ко всему. Каким же наивным идиотом я был... Реальность на передовой ломает любые иллюзии. Я долго держал всё в себе, стискивал зубы и терпел. До тех пор, пока не случилось то, о чем до сих пор тошно вспоминать.

Эдди прикрыл глаза, словно пытаясь прогнать призраков прошлого.

— После того боя меня комиссовали. Вернувшись домой, я понял, что стал для этого мира чужаком. Но страшнее всего было осознание того, что я безнадежно пропустил детство собственного сына. Меня не было рядом, когда он родился, когда сделал первые шаги. Шэннон

каждый день присылала мне короткие видеоролики, но... знаешь, каково это? Ты смотришь на экран телефона и ловишь себя на мысли, что наблюдаешь за чужой, совершенно незнакомой семьей. Жена у меня потрясающая женщина, она никогда не жаловалась, стойко тянула всё на себе. До тех пор, пока у Кристофера не обнаружили ДЦП. Несколько лет она в одиночку таскала его по клиникам и реабилитационным центрам. Ему стало лучше, но наше замужество этого испытания не выдержало. После очередной глупой ссоры Шэннон попросила развод. Я до сих пор помню её слова: «Эдди, все эти годы я чувствовала себя вдовой при живом муже». И я сдался. Отпустил её, дал ей свободу, которую она заслужила.

Эдди тяжело вздохнул и допил пиво до конца.

— Теперь я должен позаботиться о будущем сына. На гражданке мне приходится тяжело, нужно приспособливаться ко многим вещам заново. Но Кристофер — мой единственный якорь в этой жизни. Мой главный стимул двигаться дальше.

Котон молча смотрел на грустную, но теплую улыбку Эдди.

«А что насчет меня? Ради чего живу я? За что цепляюсь в этом чужом, навязанном мне мире?»

Больше они не проронили ни слова. Молча передавая друг другу банки, они методично уничтожали запасы алкоголя. В какой-то момент Котон почувствовал, что реальность начинает стремительно ускользать, пока окончательно не погрузилась в глухую, беспмятную тьму.

Следующее утро началось с раскалывающейся от боли головы. Котон с трудом разлепил веки и обнаружил, что лежит в собственной постели. Приняв сидячее положение, он обхватил виски руками, пытаясь восстановить хронологию вчерашних событий. Тщетно. Память упрямо выдавала лишь одну отчетливую картину: темная набережная, плеск воды и Эдди Диас с банкой пива в руке. Все, что происходило дальше, было стерто напрочь.

<http://bllate.org/book/19391/1988346>